

Андрей Кончаловский: я хотел бы, чтобы мне давали деньги

Коммерсант-Дейли 1997, 26 июля - с. 13

Сегодня в московском кинотеатре «Кодак-Киномир» пройдет европейская премьера телесериала-эпопеи Андрея Михалкова-Кончаловского «Одиссея». По затраченным деньгам (\$40 млн) это один из самых дорогих проектов в истории американского телевидения. И, по первым оценкам, он, кажется, удался.

О том, как создавался этот фильм и какое место его режиссер занимает сейчас в американской киноиндустрии — эксклюзивное интервью АНДРЕЯ МИХАЛКОВА-КОНЧАЛОВСКОГО корреспонденту «Коммерсанта-Daily» ВИКТОРИИ БЕЛОПОЛЬСКОЙ.

— Как у вас, кинорежиссера, могли возникнуть телевизионные «гомеровские планы»?

— Никаких «гомеровских планов» у меня не было вообще. Наоборот, у меня были планы не делать «Одиссею». Мне предлагал это Коппола (один из исполнительных продюсеров состоявшейся «Одиссеи») три года назад. Я отказался. А потом так случилось, что у меня лопнул проект постановки «Щелкунчика». Да, я хотел снимать «Щелкунчика», не балет, а гофмановского «Щелкунчика». Это был достаточно дорогой замысел, я взял некоторую часть бюджета будущей картины в долг у российского правительства и положил их в банк «Аэрофлот», где они и пропали. И я вынужден был зарабатывать другим способом. Кроме того, я считаю правильным, что этот фильм сделан. Отчасти он сделан из просветительских соображений. В эпоху торжества масс-медиа и MTV никто уже не будет читать Гомера, насыщенная картинка захватывает человека «общества зрелищ» априорно, даже если она абсолютно бессмысленна. То есть Гомера читать не будут, но фильм посмотрят.

— Правда ли, что это самый дорогой кинопроект за всю историю мирового телевидения?

— Да. Бюджет картины 40 миллионов долларов. Это беспрецедентно.

— Насколько этот фильм оправдал себя коммерчески? И насколько он оправдан лично для вас?

— Четырехсерийный фильм уже посмотрели по каналу NBC 50 миллионов зрителей. Это значит, что его увидел каждый третий американец. Для этого, очень дорогого, проекта, который был очень рискованным, это рекорд.

Можно сделать очень хороший фильм, вложить в него

кучу денег, но это не значит, что его будут смотреть. Было довольно рискованно предложить американскому зрителю картину, действие которой разворачивается три тысячи лет назад в Греции.

Для меня лично этот проект был удачным. Я же получал зарплату...

— Какую?

— Большую. Никому из режиссеров никогда на американском телевидении такой зарплаты не платили. Телережиссер не такая значительная фигура, как телеведущий. Популярные ведущие зарабатывают столько, что они вполне могут быть совладельцами гигантских концернов. Режиссер — абсолютно функциональная вещь, поэтому не думайте, что я миллионер.

— Возникали ли у вас какие-либо проблемы в работе для телевидения?

— Еще бы! Я чувствовал колоссальное давление. Даже не со стороны продюсера, что было бы более естественно, а со стороны NBC. Того нельзя, этого тем более нельзя, соска в кадре нельзя — а у меня античность, все греки поголовно голые... Там есть универсальный термин «существующая практика стандарта», которая полностью исключает обнаженную натуру, висающие части тела и Бог еще знает что... Но даже непримиримые цензоры затакаются, когда видят, что в этом вроде бы недопустимом есть смысл. В результате я был поражен, как много мне разрешили.

— Как после этого успеха вы определили бы свое место в американском кинематографе?

— Я не могу оценивать свое место. Я не могу оценить и более простых вещей, а вы хотите, чтобы я оценивал что-то настолько сложное.

Как можно оценить свое место? Ведь есть вещи, которые только чувствуешь. Словом, мне кажется, что место мое очень скромное. Американское кино — это гигантский институт, гигантская индустрия с несколькими сотнями режиссеров, которые постоянно работают, с производством огромного количества картин, с разными степенями свободы... Я скорее учусь.

Я не снял пока своей лучшей картины — ни здесь, ни в Америке.

— А какое место вам в американском кино хотелось бы занять?

— Такое, чтобы мне верили и давали деньги на проект как крупному американскому режиссеру — на основе двух страничек текста.

(Окончание на стр. 3)

Андрей Кончаловский: я хотел бы, чтобы мне давали деньги

(Окончание. Начало на стр. 1)

— Сейчас есть предложения?

— Есть, но малоинтересные. Здесь вообще не бывает мгновенных реакций, даже на очень успешный фильм. Я и не ждал, что предложения посыпятся незамедлительно: «Да-да, Кончаловский! Десять лет назад он снял „Runaway Train“ („Поезд-беглец“ — „b“), а сейчас он что делает?» Масса должна раскататься, понять, что Кончаловский не с палкой, что у него нет седой бороды, что он вообще жив. И где он? Где-то в России? С глаз долой — из сердца вон. Для Голливуда Россия — другая планета.

У меня хорошая репутация в Америке, но я снимал телевизионную картину, а не кино. А настоящий успех режиссера в Голливуде — это успех фильма в кинотеатре. И только он.

— Вы научились «продавать» себя в Америке?

— В Голливуде есть методики, и я их знаю. Главное — нельзя быть скучным, никогда нельзя быть скучным. Даже в разговоре. И главное — понимать, что нужно и зрителю, и продюсеру. И постараться через то, что им нужно, сказать то, что ты хочешь.

— Как вам пришло в голову привлечь к работе над фильмом лидера Sex pistols Малькольма Макларена?

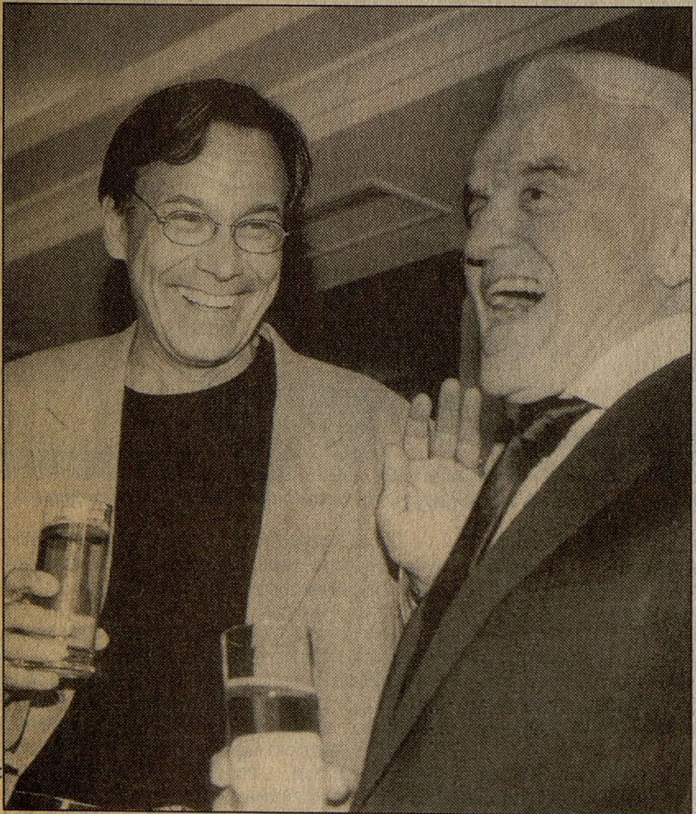
— Макларен — человек исключительной музыкальной эрудиции, у него классическое образование, он знает музыку Микен. Я давно знаю его и знал, что он будет в силах «создать» музыку второго тысячелетия до нашей эры.

— Вы писали сценарий в соавторстве с Крисом Солимайном. Как вам работалось вместе?

— Я ленивый человек, а мой партнер Крис Солимайн — работающий, как все американцы. Он мог работать по четырнадцать часов в сутки... А когда у меня одна девушка, русская, ушла с работы, потому что она должна была за мной и кресло таскать, а ей казалось, что она уже такую работу переросла, так вот, Крис сказал тогда: «Каждая работа имеет достоинство человека, который ее делает». Замечательно простая вещь. Замечательно...

В фильме Кончаловского покровительствовать Одиссею — Арманду Ассанте будет Афина — Изабелла Росселлини

Перед московской премьерой «Одиссей» Андрей Кончаловский пересказывал содержание фильма президенту американской ассоциации кинопродюсеров Джеку Валенти. Господину Валенту сюжет показался забавным